

В. Н. ЗАЛЕССКАЯ

АМПУЛЫ-ЭВЛОГИИ ИЗ МАЛОЙ АЗИИ (IV—VI вв.)

Небольшие сосуды для освященного масла или воды, так называемые ампулы, изготовлялись для паломников при церквях и монастырях, связанных по местоположению с событиями Нового завета, а также при мартириях популярных святых. Выполненные из дешевых материалов — глины, стекла, свинца, значительно реже серебра, — эти эвлогии, как правило, не отличались художественными достоинствами. Однако, будучи связанными с совершенно определенными центрами Византийской империи, эти изделия характеризуют как с точки зрения стиля, так и иконографии массовую продукцию локальных ремесленных мастерских и, следовательно, являются надежным источником, позволяющим судить о связях между отдельными провинциями. Нередко на ампулах воспроизводились в миниатюре мозаичные или фресковые композиции, которыми некогда были знамениты местные храмы. В таком случае эвлогии оказываются единственным дошедшим до нас вещественным свидетельством бывшего живописного убранства. Таким образом, историческая ценность этого рода материалов несомненна.

Ампул-эвлогий, равно как и памятных предметов другого вида, для ранневизантийского периода известно достаточно много¹. Поскольку основные христианские достопримечательности, рекомендуемые для посещения паломническими итинерариями, находились в Палестине, Сирии, Египте и Малой Азии, ампулы считаются происходящими с этих территорий. Однако если в Сирии и Палестине могут быть названы определенные центры, например: монастыри столпников — Симеона Старшего и Симеона Дивногорца, конкретные храмы в Иерусалиме, Вифлееме и Назарете, а в Египте — монастырь св. Мины, то малоазийские ампулы такой достоверной связи не имеют.

подавляющее большинство так называемых малоазийских ампул, имеющих в различных музеях мира, было куплено в XIX в. в Смирне — городе, известном своей торговлей древностями. Это обстоятельство, вероятно, означает, что подобные предметы в значительном количестве были обнаружены на территории Малой Азии, и прежде всего на ионийском побережье, но не доказывает, что они были изготовлены именно в Смирне.

На ампулах предполагаемого малоазийского производства имеются следующие изображения: всадники, алтарь храма-мартирия, стоящие под арками святые, среди них апостолы Петр и Андрей, пишущие евангелисты (?), драконоборцы, святой в ладье, Даниил (?) между дикими животными, кресты разных типов, розетки и раковины². Приблизительная датировка этих ампул — VI в. Что же касается «вопроса их происхождения, то, — как сказано в каталоге ампул Лувра, — он все еще остается открытым, и следует надеяться, что его помогут разрешить археологические раскопки»³.

¹ См. литературу в статьях: *Залеская В. Н.* Группа свинцовых ампул-эвлогий из Фессалоники. — Советская археология, 1980, 3, с. 263; *Metzger C.* Les ampoules à eulogie du musée du Louvre. — Notes et documents de musées de France. P., 1981, N 3, p. 17—23, 41—54 (далее: *Metzger*).

² *Metzger*, fig. 81—130.

³ *Metzger*, p. 23.

Археологии, несомненно, принадлежит существенная роль в решении вопроса о конкретной локализации малоазийских ампул. Однако свидетельства письменных источников о культах различных святых и их мартириях в Малой Азии, иконография представленных на ампулах изображений и, хотя и незначительные, данные археологии не дают основания смотреть на эту проблему столь пессимистически.

Кое-какие из перечисленных типов ампул могут быть относительно легко локализованы. Так, ампулы со св. Андреем с книгой в руках, снабженные греческой надписью — «апостол святой Андрей», — вероятнее всего, являются эвлогиями Лампсака, где культ этого святого, а также апостолов Петра, Павла и св. Дионисия засвидетельствован мартирологом под 15 мая⁴. Известен единственный случай обнаружения ампулы с апостолом Андреем при раскопках: такой предмет был найден в цитадели города Двина, в комплексе V—VI вв.⁵ Ампулы с изображением на одной стороне святого в лодке, а на другой — стоящего под аркой с книгой и якорем в руках⁶ имеют значительное иконографическое сходство с медальонами — эвлогиями Фоки Синопского, покровителя моряков и садовников⁷. Всадники-драконоборцы на ампулах близки традиционным изображениям св. Георгия, и, по всей видимости, их производство связано с почитанием Георгия Каппадокийского⁸.

Из многих памятных мест Малой Азии первенствующая роль должна была принадлежать Эфесу. Он упоминается в различных по времени раннесредневековых путешествиях пилигримов, от знаменитого «Peregrinatio ad loca sancta» аббатисы Этерии⁹ конца IV в.¹⁰ и до «Путника» Антонина из Плаценции конца VI в.¹¹ Можно априори утверждать, что среди нелокализованных малоазийских ампул должны существовать сделанные в Эфесе.

Многократно перестраивавшаяся знаменитая базилика св. Иоанна возникла на месте мартирия IV в. и просуществовала до 1304 г., когда была превращена в мечеть¹². Перед алтарем храма, над крестообразной по форме могилой, будто бы вырубленной в скале самим Иоанном Богословом, был воздвигнут киворий — место особых торжеств 8 мая. По свидетельству Григория Турского¹³, а также по записям в греческих мекнологиях¹⁴, 8 мая, в день Иоанна Богослова, на его гробе появлялся *χόνις* (пыль, прах), который собирали паломники. Как сообщает русский паломник игумен Даниил, посетивший Эфес в начале XII в., *χόνις* использовали «к врачеванию душ и во здравие телес»¹⁵.

Из сказанного следует, что от гроба Иоанна паломники везли некую чудодейственную «массу», каковую, естественно, помещали в предназна-

⁴ Delehayе H. Les origines du culte des martyrs. Bruxelles, 1933, p. 147.

⁵ Калантарян А. А. Культовый сосуд из раскопок города Двина. — Изв. Академии наук АрмССР, 1965, обществ. науки, № 2, с. 95—97.

⁶ Metzger, p. 47, fig. 100.

⁷ Малицкий Н. В. Глиняный кружок из Херсонеса с изображением св. Фоки. — В кн.: Материалы по русскому искусству. Л., 1928, т. 1, с. 3; Залеская В. Н. Рельефы с «выемчатым» фоном из Херсонеса. — Сообщения Государственного Эрмитажа, 1976, т. XI, с. 35—37, рис. 1; Колесникова Л. Г. Храм в портовом районе Херсонеса (раскопки 1963—1965 гг.). — ВВ, 1978, 39, с. 172, рис. 13.

⁸ Васильевский В. Г. Житие св. Георгия Амастридского. — Труды. СПб., 1915, т. III, с. LXXXVII.

⁹ *Ethérie*. Journal de voyage/Ed. H. Pétré. P., 1948, p. 57, 186—187.

¹⁰ Devos P. La date du voyage d'Éthérie. — *Analecta bollandiana*, 1967, t. 65, fasc. 1—2, p. 165—194.

¹¹ Путник Антонина из Плаценции конца VI века/Изд. И. Памяловским. — Православный палестинский сборник, 1895, вып. 3, т. XIII, с. 121.

¹² Keil J., Miltner F., Hörmann. Forschungen in Ephesos. Die Johanniskirche. — Österreichischen archäologischen Institut, 1951, Bd. IV, H. 3, S. 18.

¹³ MPL, LXXI, col. 730.

¹⁴ Сергей. Полный месяцеслов Востока. М., 1878, с. 127—128.

¹⁵ Житие и хождение Даниила, игумена Русской земли, 1106—1108 гг./Под ред. М. В. Венигиной. — Православный палестинский сборник. СПб., 1833—1885, вып. 3, т. I—III, с. 6.

ченные для такого случая филактерии, вероятнее всего, приобретавшиеся на месте.

Средневековый Эфес был знаменит не только мартирием Иоанна. Он считался местом богоявления, которое было отмечено посвященной богоматери церковью¹⁶, воздвигнутой после Эфесского собора 431 г. Грот семи эфесских отроков, состоящий из многих ораториев и погребальных камер, был третьей достопримечательностью города. Ампулы с изображением отроков неизвестны, но зато существует достаточное количество посвященных им эвлогий-образков как ранневизантийских, так и X—XII вв.; среди них значительное место занимают византийские и русские змеевики¹⁷. Христианская легенда, прообразом которой является миф о спящем Эндимионе (его грот, по легенде, находился около Эфеса), получила распространение и в мусульманской среде, а свинцовые талисманы с исламизированными именами отроков со времени развитого средневековья и до наших дней пользуются огромной популярностью во многих странах Ближнего Востока¹⁸.

Итак, в средневековом Эфесе непременно должно было существовать, и в значительном объеме, производство памятных предметов.

По характеру изображений перечисленные типы малоазийских ампул могут быть условно разделены на восемь групп. Как правило, все они выполнены из глины, имеющей розово-желтый оттенок в изломе, и по этому признаку могут быть сопоставлены с античными и раннесредневековыми глиняными лампами из Эфеса¹⁹.

Для первой группы типично устойчивое сочетание двух изображений: стоящего между двумя стилизованными деревьями персонажа в длинной одежде, с книгой в руках и пишущего святого на противоположной стороне (рис. 1, 1; 2, 1). Характерные позы обоих персонажей, их иконография, детали композиции (форма пюпитра, кодекса и стиля в руках пишущего) позволяют, несмотря на отсутствие надписей, увидеть в этой паре хорошо известную по византийской миниатюрной живописи сцену — Иоанн Богослов диктует Писание своему ученику Прохору²⁰. Деревья, окружающие Иоанна, — пальмы, символизирующие бессмертие²¹, — обычные атрибуты этого евангелиста, равно как и богоматери. По археологическим данным, описанные ампулы не выходят за пределы VI в., подтверждением чего являются находки двух аналогичных экземпляров в Сардах²². Верхней датой служит 615 год — год гибели города. Есть и находки таких ампул в Эфесе²³, что наряду с сюжетом, иллюстрирующим главное деяние Богослова, может служить основанием для определения этой группы памятников как эфесских.

Композиция «Иоанн Богослов, диктующий Прохору» известна в настоящее время только по памятникам, датируемым не ранее X в.; доиконоборческие же образцы, представлявшие, вероятно, христианскую версию классической античной композиции, состоящей из пишущего поэта и вдох-

¹⁶ Grabar A. *Martyrium*. P., 1946, t. II, p. 133.

¹⁷ Сперанский М. А. О змеевиках с семью отроками. — Археологические известия и заметки при Московском археологическом обществе. М., 1893, № 4, с. 59—60; Рындина А. В. Суздальский змеевик. — В кн.: Древнерусское искусство. М., 1972, с. 226—227.

¹⁸ Крымский А., Аттая М. Семь спящих отроков эфесских. — Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. М., 1914, вып. 41, с. I—III, VI—VII, 13, 25, 46.

¹⁹ Miltner F. *Forschungen in Ephesos*. Wien, 1937, Bd. IV, H. 2, S. 199; Baily M. *Greek and Roman Pottery Lamps*. The British Museum. L., 1972, pl. 10c.

²⁰ Buchthal H. A Byzantine Miniature of the fourth Evangelist and its Relatives. — *DOP*, 1961, 15, p. 129—130, fig. 1—3.

²¹ Cumont F. *La stèle du danseur d'Antibes et son décor végétal: Etude sur le symbolisme funéraire des plantes*. P., 1942, p. 21, 38.

²² Hanfmann G. H. M. *The Eight Campaign at Sardis, 1965*. — *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. Jerusalem; Bagdad, 1966, N 182, p. 16—17, fig. 12—13; *Idem*. *The tenth Campaign at Sardis, 1967*. — *Ibid.*, 1968, N 191, p. 10—11, fig. 8.

²³ Dalton O. M. *Catalogue of early christian Antiquities and Objects from the christian East in the British Museum*. L., 1901, p. 159, N 912; Metzger, p. 45, fig. 95.

новляющей его Музы²⁴, до нас не дошли. Косвенным подтверждением их существования являются западноевропейские миниатюры VIII в. с аналогичными сюжетами²⁵. Таким образом, ценность этой группы ампул состоит прежде всего в том, что представленные на них изображения являются наиболее ранним иконографическим изводом одной из классических композиций развитого византийского искусства.

На другой группе ампул (рис. 3, 1; 4, 1) на одной стороне под опирающейся на витые колонки аркой расположено круглое сооружение, которое венчает крест; на противоположной стороне — аналогичные арка и колонны, между которыми находятся ведущие к вратам лестничные марши. Перед нами условное изображение закрытого храма — усыпальницы, поднятого над особым подвальным помещением — криптой и имеющего лестницу. Собственно усыпальница мыслилась находящейся в крипте, а в верхнем помещении над мощами стоял алтарь, каковой на данной группе ампул представлен отдельно. Подобные архитектурные конструкции были приняты для изображения языческих тихейонов и героонов, а также для генетически связанных с ними христианских мучеников²⁶. Воспроизведение последних можно видеть на пластинках из слоновой кости, хранящихся в Британском музее и в собрании Тривульци в Милане и представляющих церковь Гроба господня в Иерусалиме²⁷. У входа в усыпальницу в открытые врата помещен персонаж в длинной одежде, держащий украшенную крестом книгу. Стилистически и отчасти иконографически он напоминает евангелиста на ампулах с Иоанном и Прохором. Сходны расположение складок одежды, положение рук с книгой, а передача колонок, несущих арки, и колонок пюпитра Прохора тождественна.

Эта формальная связь с ампулами первой группы заставляет предположить то же происхождение и для ампул с мучениками, тем более что мучеников — базилику Иоанна в Эфесе — отличал прежде всего ярко выраженный план креста. Предположение К. Метцгер²⁸ об изображении на этих ампулах сцены Воскрешения Лазаря убедительно. Лазаря всегда представляли в виде спеленутой мумии, на рассматриваемых же памятниках фигура задрапирована в плащ.

Кроме того, изображение святого на фоне его липсанотеки может относиться не только к Лазарю, оно характерно, например, для иконографии св. Димитрия²⁹ или св. Спиридона³⁰. Известные ныне ампулы этой группы поступали только с малоазийской территории: ампулы из собраний Лувра и Эрмитажа происходят из коллекции П. Годэна, купленной в Смирне³¹, ампулы, хранящиеся в Берлине, найдены в Тиатире³². Для этого типа эвлогий отсутствуют какие бы то ни было археологические подтверждения даты, однако сама конструкция представленных мучеников указывает на доиконоборческое время.

Некоторую разновидность рассмотренной группы представляют ампулы с изображениями на одной стороне святого с посохом под аркой, а на другой — равноконечного креста в обрамлении из концентрических кружков (рис. 3, 2; 4, 2). Изображение святого под аркой имело двойную символику: оно обозначало мучеников, т. е., с одной стороны, свидетель-

²⁴ *Panofsky E.* Studies in Iconology. New York, 1939, p. 165, fig. 120.

²⁵ *Buchthal H. A.* Op. cit., p. 134.

²⁶ *Grabar A.* Martirium, t. I, p. 96—97; t. III, pl. XV, 1—8.

²⁷ *Ibid.*, t. III, pl. XVI, 1, 3; *Kötzche-Breitenbruch L.* Pilgerandenken aus dem Heiligen Land. — Jahrbuch für Antike und Christentum. Aschendorf, 1984, Bd XI, S. 229—246, Abb. 2.

²⁸ *Metzger*, p. 48—49.

²⁹ *Grabar A.* Quelques reliquaires de Saint Démétrios et le martyrium du saint à Salonique. L'art de la fin de l'antiquité et du Moyen Âge. P., 1968, vol. I, p. 437—453; vol. III, pl. 115c, 117a.

³⁰ *Johann Georg.* Zur Ikonographie des heiligen Spyridon. — BZ, 1910, Bd. XIX, S. 107—110, Abb. 1—2.

³¹ *Metzger*, p. 48—49; Известия Русского археологического института в Константинополе, 1904, т. IX, с. 425.

³² *Wulff O.* Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke. B., 1909, Bd III, Teil 1, S. 264, Taf. LXVII, N 1348.

ствовало о мученической смерти, но, с другой — арка как знак триумфа указывала на посмертное торжество³³. Крест на обороте ампулы заменял более развернутое на других эвлогиях изображение гроба святого. Что касается стоящей под аркой фигуры, то она могла представлять как Иоанна Богослова, так и мученика Тимофея. Последнее предположение более вероятно, т. к. описанный персонаж иконографически отличен от святого на ампулах первой и второй групп. Кроме того, посох в его руках указывает на епископский сан³⁴. Первым же епископом Эфеса, поставленным, по легенде, еще апостолом Павлом, был Тимофей, культ которого слился с культом Иоанна Богослова, так как день памяти Иоанна был 8 мая, а Тимофея — на следующий день.

Ампулы четвертой группы относятся к категории так называемых сосудиков со всадниками (рис. 1, 2; 2, 2). На одной стороне таких эвлогий представлен некий едущий на лошади или осле персонаж. Его обращенную в фас голову окружает нимб, на некоторых образцах украшенный выпуклыми точками, так что он напоминает драгоценную диадему. Так же передан на ряде образцов и богатый декор упряжи коня. Фигура сидящего, как амазонка, всадника развернута на зрителя, в руках он держит раскрытую книгу с обозначенными письменами. Иногда книга бывает закрыта и на ее окладе четко выделяется крест. На другой стороне сосудика представлен сидящий верхом всадник на несущейся галопом лошади. При всей условности и примитивности изображения быстрый бег животного — в противоположность первому изображению именно лошади, а не осла — подчеркнут. Ноги лошади подогнуты, как при прыжке, а всадник наклонился вперед, прижав согнутые ноги к бокам коня. Существуют две разновидности позы этого всадника: иногда он представлен как орант с поднятыми и раскрытыми наружу ладонями рук, чаще же он в правой руке держит некий предмет с крестообразным завершением (если исходить из изображений на античных памятниках, — это факел), а левой — правит конем. Нет оснований, как вслед за О. Вульфом предполагает К. Метцгер, видеть в описанной композиции «Бегство в Египет»³⁵. Поза амазонки присуща не только богоматери, но и Христу (ср., например, «Въезд в Иерусалим»), а также различным святым, не воинам. Кроме того, предмет, который этот всадник держит в руках, является не чем иным, как только книгой.

Сходство описанной композиции с миниатюрой IX в. из иллюстраций «Откровения Иоанна Богослова» в Государственной библиотеке г. Трира³⁶ позволяет увидеть ту же сцену и на рассматриваемой группе памятников. Это — «второе пришествие»: на коне с раскрытой книгой в руках едет бог, сопровождаемый вестником (ὁ ἄγγελος) с факелом. «И вот, конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, который праведно судит и воинствует. Очи у него как пламень огненный, и на голове его много диадем. Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме его самого... Имя ему: Слово Божие. И воинства небесные следовали за ним» (Откровение, XIX, 11—14).

Итак, на этой группе эвлогий имеется самый ранний в византийской иконографии образец сцены «второго пришествия», до сих пор известный только по образцам западноевропейской живописи и по памятникам позднепалеологовского и в основном поствизантийского времени (церковь Преображения на Метеорах, Лавра св. Николая на Афоне)³⁷. Атрибуция этой группы ампул устанавливает, что изображения апокалипсического толка появляются впервые в византийском искусстве не в XIV в., как это

³³ Grabar A. *Martyrium*, t. I, p. 91—92.

³⁴ Rodermacher F. Ein romanischer Geisselstab im Bonner Landesmuseum. — *Zeitschrift des Deutschen Vereins für Kunstwissenschaft*, 1979, Bd XXXIII, H. 1/4, S. 12—23.

³⁵ Wulff O. *Op. cit.*, S. 264; Metzger, p. 18.

³⁶ Hubert J., Porcher J., Volbach W. F. *L'Empire carolingien*. P., 1968, p. 181, fig. 306.

³⁷ Garidis M. L'ange à cheval dans l'art byzantin. — *Byz.*, 1972, t. XLII, fasc. 1, pl. IV, VII—XII.

было принято считать вслед за Л. Брейе³⁸; подобные сюжеты трактовались и в ранневизантийское время, причем воспроизводились, как показывает наш пример, на массовом материале.

На ампулах, как правило, давалось изображение того памятника — мартирия, фрески или иконы, — которым особенно славился город. Так, в настоящее время только по палестинским ампулам из Монци возможно восстановить утраченное живописное убранство иерусалимских храмов³⁹. Открытые в Эфесе фрагменты фресок средневизантийского периода не могут помочь в определении сюжетов малоазийских ампул. Однако, рассматривая группу эвлогий со «вторым пришествием», следует обратить внимание на то обстоятельство, что в нартексе базилики Иоанна вблизи южного входа в храм, с которого начинался круговой обход паломниками усыпальницы, были найдены части мраморного рельефа с изображениями всадников⁴⁰. Фрагментарность обломков не позволяет реконструировать первоначальную композицию, можно лишь сделать два заключения: всадники представлены в развевающихся одеждах на стремительно несущихся конях, и они не относятся к типу «драконоборцев». Не был ли этот расположенный при входе в храм рельеф иллюстрацией того, «чему надлежит быть вскоре?» (Откровение, I, 1).

В настоящем контексте любопытен также найденный в крипте вблизи Никомидии памятник: хранящаяся в Историческом музее в Москве белоглиняная расписная иконка рубежа XIII—XIV вв. с изображением архангела Михаила с копьём на мчащемся коне⁴¹. Технические особенности этой керамической иконы, вероятно, также эвлогии, указывают на ее производство в районе Никеи⁴². Т. е. апокалипсическая тематика в различные периоды фигурировала на византийских памятниках из Малой Азии.

Следующая группа ампул имеет изображение полуфигуры женщины с младенцем на левой руке (рис. 3, 3; 4, 3). Это — несомненно, Богоматерь Одигитрия, образ, воспроизводивший на паломнических предметах чудотворную икону Богоматери Эфесской, которая, по словам игумена Даниила, находилась в древней (ветсѣй) церкви в Эфесе и с помощью которой был побежден еретик Несторой⁴³. Храм Богоматери Эфесской был воздвигнут в V в.⁴⁴ Паломничество к нему, а также к так называемому дому Богоматери и вероятное производство в древности эвлогий косвенно подтверждает современная практика: источник воды, находящийся на некотором расстоянии от «дома Богоматери», по легенде ею благословленный, считается целебным: воду из него берут как христиане, так и мусульмане⁴⁵.

Известен один случай находки ампулы рассматриваемого типа в Эфесе⁴⁶. Кроме того, ампула с Богоматерью Одигитрией была обнаружена вместе с двумя другими эвлогиями малоазийских типов на Книде, в районе храма Афины-Евплойи⁴⁷. Эта Одигитрия с младенцем, почти слитым с поддерживающей его рукой, достаточно своеобразна по сравнению, например, с ее изображениями на глиняных и свинцовых ампулах из Палестины⁴⁸. Эфесские эвлогии имеют несколько вариантов, различающихся

³⁸ Bréhier L. Les visions apocalyptiques dans l'art byzantin. — *Arta si archeologia revista*. Bucarest, 1930, fasc. 4.

³⁹ Grabar A. Les ampoules de terre sainte. P., 1958, p. 65—68.

⁴⁰ Keil J., Miltner F., Hörmann H. Op. cit., S. 258.

⁴¹ Искусство Византии в собраниях СССР: Каталог выставки. М., 1977, т. III, с. 153, № 1003.

⁴² Залеская В. Н. Византийская белоглиняная расписная керамика в собрании Эрмитажа: Каталог. Л., 1985, с. 6.

⁴³ Житие и хождение Даниила..., с. 7, 159—160.

⁴⁴ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. СПб., 1914, т. 1, с. 148—149.

⁴⁵ Ephesus. Riches of the Past. Istanbul, 1968, plan N 43.

⁴⁶ Metzger, p. 50.

⁴⁷ Love I. C. A preliminary Report of the Excavations at Knidos. *AJA*, 1972, t. LXXVI, N 1, p. 75, pl. XX, fig. 32, 1.

⁴⁸ Grabar A. Les ampoules..., p. 16—17, 20—21, pl. I—II, VIII; Rahmani L. I. An Eulogia Stamp from the Gaza Region. — *Israel Exploration Journal*, 1970, t. 20, p. 105; Forest Ch. et J. D. Fouilles à la Municipalité de Beyrouth (1977). — *Syria*, 1982, t. LIX, fasc. 1—2, 1982, p. 34—35, fig. 3, 15.

способами передачи отдельных деталей; различны и образы святых, помещавшихся на обратной стороне. Последние представлены либо в позе орантов с неестественно вывернутыми и сильно преувеличенными в размерах руками, либо — держащими книги. Типы их лиц, способы передачи волос и черт лица различны. Схематичность трактовки, сильная потертость поверхности, отсутствие надписей, равно как и характерных иконографических деталей, делают невозможным определение этих персонажей. Предположение может быть высказано лишь относительно одного из них, имеющего на груди крест, а на ладонях поднятых рук стигматы. В данном случае представлен мученик, подвергшийся той же казни, что и Иисус Христос. Таковыми были апостолы Петр и Андрей. Ввиду явного сходства типа лица интересующего нас персонажа с изображением Петра на ампуле из Лувра ⁴⁹, следует отдать предпочтение именно ему. Апостол Петр в доримский период своей деятельности много проповедовал в различных провинциях Малой Азии (Понте, Галатии, Вифинии, Азии и Каппадокии) ⁵⁰, и его положение на ампуле рядом с Богородицею Эфесской вполне правомочно.

Среди купленных в Смирне ампул имеется значительное количество сосудов с крестами в медальонах, обрамленных concentрическими кружками, точками или создающими ленточное плетение штрихами (рис. 5, 1—3, 6, 1—3). Равноконечные, как правило, кресты имеют расширяющиеся профилированные рукава, между концами которых иногда помещаются гравированные кружки или точки — углубления. Концы некоторых крестов заканчиваются «слезками». Среди эвлогий этой группы преобладают маленькие, почти вдвое меньше обычных образцов, ампулы. Их высота колеблется от 3,8 до 2,8 см, а диаметр вместилища от 2 до 1 см. Из малоазийских ампул такую форму и размеры имеют только сосудики с многолепестковыми розетками (рис. 5, 4; 6, 4). Неусложненная форма креста говорит в пользу ранней — доиконоборческой — даты, а неоднократные находки таких ампул именно в Эфесе указывают на местное производство ⁵¹.

День памяти Иоанна Богослова носил название *ῥοδιῶνος* (буквально — розовник), т. е. праздник с употреблением весенних роз ⁵². Это восходящее еще к языческим временам торжество было связано с погребальными церемониями в честь Адониса, где роза, воспринимавшаяся как кровь героя, символизировала возрождение. В день Иоанна Богослова розами осыпалось место его погребения и алтарь посвященной ему церкви: *ῥόδαυτος δὲ τοῦ νεκροῦ τῶν ῥοσαλίῳν* ⁵³. Этот обычай был принят во всех храмах Иоанна, но он распространялся и на некоторых других святых (апостолов Петра и Павла, св. Феликса), дни памяти которых приходились на май или июнь. Как отмечают греческие менологии и как записал игумен Даниил в своем хождении, в праздник *ῥοδιῶνος* на могиле Иоанна в Эфесе появлялся *κόμης*, а паломники «взывают персть ту святую на исцеление всякого недуга» ⁵⁴. Это, конечно, не утверждение, что паломники «взымали» именно осыпавшуюся розовую пыльцу. Но в праздник роз, когда могила Богослова была осыпана цветами, что же еще могли они собирать с могильной плиты? Наше предположение в некоторой степени подтверждает и этимология слова «ἡ κόμης»; оно значило не только «пепел», «прах» или «пыль», но могло применяться и как специальный, ботанический термин — «пыльца» ⁵⁵. Целебные же свойства розы были хорошо известны еще в античное время и широко использовались также и в средние века ⁵⁶. Изображение

⁴⁹ Metzger, p. 46, fig. 98.

⁵⁰ Евсевий Памфил. Церковная история.— Сочинения Евсевия Памфила. СПб., 1858, т. 1, III, 1.

⁵¹ Dalton O. M. Op. cit., p. 158, N 906; Noll R. Vom Altertum zum Mittelalter.— Kunsthistorisches Museum. Wien, 1958, S. 29—30, Abb. 24; Metzger, p. 51—52.

⁵² Joret Ch. La rose dans l'antiquité et au Moyen Âge. P., 1892, p. 108—109.

⁵³ Ibid., p. 397.

⁵⁴ Житие и хождение Даниила..., с. 6.

⁵⁵ Liddell H. G., Scott R. Greek-English Lexicon. Oxford, 1930, Part 5, p. 977.

⁵⁶ Joret Ch. Op. cit., p. 132—133.

этого цветка, бывшего также символом богородицы, могло соединять оба главных эфесских культа. Что касается микроампул с розетками, то их декор прямо указывает на «цветочное» содержимое сосудика.

Ампулы с крестами производились при разных мученичествах: известны палестинский⁵⁷, сирийский⁵⁸ и египетский варианты⁵⁹. Эфесские ампулы дают еще один тип — малоазийский.

Что касается происходящих преимущественно из Смирны ампул с очертаниями раковины, то пока не удается установить связь между этой формой и местными культами. Изображение раковины связывалось с культом мертвых и было символом воскресения⁶⁰.

В послании епископа Эфеса Поликарпа римскому епископу Виктору перечислены великие основоположники (*στοιχεια*) христианства в римской провинции Азии; среди них после Иоанна Богослова названы Поликарп Смирнский и Антипа Пергамский⁶¹. О Поликарпе, ученике Иоанна, соперничавшем в славе со своим учителем, известно, что он был епископом Смирны, где и был казнен. Ему был воздвигнут мученический столп, известный чудотворными исцелениями⁶². В житии святого наличествует одна любопытная деталь: когда Поликарпа бросили в костер, то огонь не коснулся его, но поднялся вверх, образовав над его головой арку.

Небольшая по количеству известных экземпляров группа малоазийских ампул имеет на одной стороне изображение святого с книгой в руках, а на другой — аналогичное изображение под аркой, условно переданные базы колонн которой помещены на уровне рук святого, держащих книгу (рис. 7, 1; 8, 1). Таким образом, арка напоминает раму, выделяющую только лик и верхнюю часть фигуры. Столь необычная арка встречается лишь на некоторых образцах малоазийской ампулы. Ее странная конструкция может быть объяснена только в том случае, если перед нами не изображение арки — символа мученичества, а огненной арки из сцены мученичества Поликарпа Смирнского, т. е. если речь идет об ампулах с изображением патрона города Смирны. Помимо покупок у антикваров, такие ампулы происходят и из археологических комплексов: их находили в Эфесе⁶³, на Книде⁶⁴, у западной башни южных ворот Царицына Града⁶⁵. Последняя находка дает верхнюю дату этой группы ампул: она приходится на начало VI в.

На последней рассматриваемой нами группе ампул представлена на одной стороне некая чрезвычайно схематично переданная фигура, держащая в правой руке книгу с крестом на окладе, а в отведенной в сторону левой — символ мученичества, крест. На обороте столь же условно переданный персонаж держит в левой руке перед грудью квадратный предмет, покрытый вертикальной штриховкой (рис. 7, 2; 8, 2). Предмет этот сходен с «коробками с медикаментами» у святых врачей⁶⁶. Перед нами персонаж со следующими иконографическими признаками: он — наставник в христианской вере (книга с крестом), он — мученик (крест в левой руке) и он же — целитель (коробка). Всеми этими качествами обладал «первый мученик Азии» — Антипа Пергамский⁶⁷. Ученик Иоанна Богослова, епископ Пергама, он был врачом⁶⁸. Мученический столп в его честь был воздвигнут в V в. Как свидетельствует Арефа, епископ Кесарии,

⁵⁷ Grabar A. Les ampoules..., pl. X—XI, XXIII, XXV, XXXII, XLI.

⁵⁸ Forest Ch. et J. D. Op. cit., p. 34, fig. 3, 14.

⁵⁹ Metzger, fig. 72—73, 75—77, 79.

⁶⁰ Cabrol F., Leclercq H. Coquillages.— In: Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie. P., 1914, t. III, part 2, col. 2905—2906.

⁶¹ *Ефесский Памфил*. Церковная история, III, 31; V, 24.

⁶² Delehaye H. Op. cit., p. 145.

⁶³ Metzger, p. 43, fig. 88.

⁶⁴ Love I. C. Op. cit., p. 75, pl. XX, fig. 32, 3.

⁶⁵ Kondic V., Popovic V. Caricin Grad, site fortifié dans l'Illyricum byzantin. Belgrad, 1978, p. 402, N 74.

⁶⁶ Искусство Византии..., т. II, № 561.

⁶⁷ Delehaye H. Op. cit., p. 146—147.

⁶⁸ Сергий. Указ. соч., с. 102—103.

этот храм был одной из достопримечательностей Пергама и в X в. ⁶⁹ Антипа Пергамский был сожжен в бронзовом быке. При Феодосии Великом это орудие пытки было перевезено из Пергама в Константинополь и установлено на форуме, получившем название по воздвигнутому на нем памятнику — Форум Быка ⁷⁰. Не исключено, что с Пергамом связана хранящаяся в Лувре ампула с изображением рогатого животного (быка?) под пальмой ⁷¹. Место погребения Антипы в Пергаме является местом паломничества и в настоящее время.

Производство эвлогий в Эфесе, а также в других центрах паломничества в Малой Азии не прекратилось в VII в. С Эфесом может быть связана, в частности, группа бронзовых крестов — энколпионов с гравированными изображениями Иоанна Богослова между пальмами ⁷². В Эфесе также находили ампулы с крестами усложненного типа ⁷³: между рукавами креста помещены «лучи», являющиеся условным изображением перекрещенных трости и копья. Кресты такого типа получают распространение не ранее X в. ⁷⁴ Однако обстоятельный ответ, касающийся малоазийских ампул IX—XII вв., именно ампул, а не эвлогий вообще, требует специального исследования, что выходит за хронологические рамки освещаемого периода.

Рассмотренные группы происходящих из Малой Азии ампул показывают, сколь значительной была роль Эфеса в производстве массовой и достаточно разнообразной продукции для паломников. Одновременно памятные предметы изготовлялись и в других малоазийских центрах — Смирне, Пергаме, Синопе, Лампсаке.

Анализ этих вещественных памятников обнаружил существенный вклад Малой Азии в сложение византийской иконографии. Две композиции, принадлежащие по своей значимости к разряду общеимперских, — «Иоанн Богослов, диктующий Прохору» и «Христос и апокалипсические всадники», — были созданы в Эфесе и отсюда с паломническими ампулами распространились по империи. В Малой Азии была также разработана и житийная иконография местных святых — Антипы Пергамского, Поликарпа Смирнского, Фоки Синопского, включенная затем в иллюминированные византийские менологии.

⁶⁹ Dutau A. Un prétendu tombeau de S. Luc. à Ephese.— Le contemporain, an. XXIV, N. S. P., 1883, t. 1, p. 350—351.

⁷⁰ Ibid., p. 356—357.

⁷¹ Metzger, p. 50, fig. 109.

⁷² Отчет археологической комиссии за 1903 г. СПб., 1906, с. 25, рис. 18; Известия археологической комиссии. СПб., 1905, т. 16, с. 57—58, рис. 14—15.

⁷³ Metzger, p. 52, fig. 116.

⁷⁴ Laurent V. Le corpus des sceaux de l'empire byzantin. P., 1965, t. V, 2, pl. 16, N 431; p. 254, pl. 173, N 1374; P., 1972, t. V, 3, p. 223, pl. 39, N 1919; P., 1981, t. II, p. 164, 209, pl. 13, N 340; pl. 16, N 431.